

Эмма УСМАНОВА:**« 12 часов на солнце - и вы узнаете, что такое БЫТЬ АРХЕОЛОГОМ... »**

лимся, понимаете? Потому что у нас также очень интересные памятники есть, а вы, допустим, приезжаете в Костанайскую область и никакого набора открыток не сможете купить по истории или по культуре края. Понимаете, мы очень много говорим. Но культурное наследие должно быть представлено не в этом. Пусть это будут открытки, буклеты - люди должны это ощущать.

- А музеи?

- Должен быть зрелищный музей. Вот в Костанайе - потрясающий человек (*мыслитель*. Прим. «КН»). Для меня свидание с этим человеком - это какой-то диалог с небом. Это уникальная фигурка. Но она подана как? Она подана глубоко в витрине. Ее пока разглядишь. А представьте себе: полутемная комната. Он один. Под каким-то там колпаком. Звездное небо. Да народ будет просто валить на него смотреть. Но я понимаю, что все упирается в инвестирование. Пока мы к этому не готовы. Должно быть сотрудничество специалистов с людьми, которые дают деньги. Это раз. И во-вторых, люди, которые дают деньги, должны слушать специалистов. Иначе все будет обречено. Уйдет в казино-мазино и в голых девок.

- А насколько востребованна археоло-

ему скромному мнению, весь опыт более ранних эпох ворвался в бронзовый век и расцвел здесь. Пошли потрясающие погребальные сооружения, ювелирка, керамика, металл, конечно, который приобрел совершенно иное звучание. И одежда. Любая одежда - это уже признак цивилизации. Когда мы говорим о цивилизаторских моментах, то вспоминаем определенные стандарты - город, письменность и прочее. Нам в степи это не дается - считается, мы дикие варвары. На самом деле у нас имеется такой же стандартный набор, который говорит о достаточно высоком уровне развития. И костюм, как ни странно, в этом понимании играет одну из ведущих ролей. Чем цивилизованнее человек, тем сложнее его костюм. Костюм и питание, кстати. Вареная пища - она утверждает идею цивилизации. Что ел человек эпохи бронзы - это очень важно. Почему? Здесь, в степи, не было классического земледелия, но степь прекрасно выживала. Вот она - цивилизация. Когда человек в тяжелейших условиях смог подчинить себе экосистему окружающего мира. Развиться и размножиться здесь. И это вызывает огромный интерес.

...Я сейчас заодно буду есть, если вы не против.

- Вы едите творог. Любите молочную пищу?

- У меня ввиду активной археологической деятельности нарушен весь пищевой тракт. Эта жертвенность. Ведь все дается не просто так.

- Вам нехорошо бывает иногда?

- Мне часто бывает нехорошо. Поработаете 12 часов на солнце - узнаете, что такое

Чтобы она была видима для людей. И я думаю, люди станут лучше, если познакомятся со своей историей. И это не значит, что я всех призываю становиться археологами. Напротив, я выбиваю из своих учеников это желание. Просто на раскопках в человеке вырастает какой-то стержень. Именно человеческий. Это очень внутри, это очень интимно.

- А что все-таки археология дает в осязаемом мире?

- А что вы говорили мне? Дает то, что я выгляжу моложе. Это дает мне силы жить. Это дает мне, прежде всего, интересно жить. И если простого человека органично внедрить в это пространство - я думаю, он будет испытывать то же самое. Знаете, я, бывает, на закате оторвусь от работы, посмотрю на небо, и такое ощущение покоя возникает, как будто Боженька меня на ладонь поднял и понес...

(*Тем временем мы спустились в раскоп*).

- Я хочу книгу назвать «Похитители снов». Индейцы Наваха тех, кто входил в могилы, называли похитителями снов. На могильнике, поскольку я работаю здесь 22 года, я отметила ограбления. Но эти ограбления опять же совершались не из-за каких-то ценностей. Ограбление совершалось из-за косточки предка. Здесь жили, видимо, два племени. И я это четко увидела. Ограбления совершались буквально сразу после погребения. Из этой части могильника вытаснены скелеты, а горшки намеренно разбиты.

- Это уже детектив.

- Это правда. Это детектив. Неслучайно Агата Кристи была женой археолога. И она хорошо использовала многие археологические принципы в своей работе. Дело в том, что это

Археолог Эмма Усманова двадцать два года копает погребения бронзовой эпохи в районе Лисаковска. Она имеет много званий, должностей и известных в мире научных работ. Последняя по времени награда - премия Клуба меценатов Костанайской области. На раскоп Эмма Усманова приходит с большим зонтом. За это ученики прозвали ее Мэри Поппинс. Каждое лето ветер приносит ее в Лисаковск, а каждую зиму уносит в Караганду. Там она живет. А еще она стоит на краю пропасти. Если кто-то шел когда-то вечером во ржи и читал Сэлинджера - тот поймет. Археология, если ее делать до простого

человека, может удерживать общество от падения вниз – так считает Эмма Усманова.

(Переходы от банального «Пейте же, наконец, чай» до очень серьезного «В археологии должна быть хорошая научная контекстовая интерпретация» - у Эммы Усмановой стремительны. Не знаешь, что услышишь через мгновение. Но разговор всегда честный.)

- Археология – скучнейшая наука. Я всегда об этом говорю. Моя задача сделать ее интересной. Должна быть некая социализация археологии.

- Как это социализация?

- Это как раз писать, публиковать. Не эти смешные предположения – тут мы от этого произошли, а тут мы нашли первого человека. Сейчас очень модно спекулировать за счет археологии. Страна стала независимой, страна определяет свои культурные, исторические приоритеты. Все об этом и говорят, и пишут, но часто это просто такая популяризованная болтовня. Научный факт можно подогнать под что угодно. Нам же нужна именно хорошая научная контекстовая интерпретация. Это хорошие музеи, хорошие экспозиции. Ближайший пример – Аркаим. Вы, кстати, знаете, что ваш Тобольский мыслитель подается как аркаимская находка?

- Нет.

(Эмма Усманова принесла набор открыток. На обложке написано: «Аркаим»).

- Вот. Сидящий мужчина, круглая скульптура, энеолит, бронзовый век, степи Евразии. Здесь вообще не указано, что она у вас найдена.

- Почему?

- А вот потому что... Потому что плохо шеве-

гия, вообще история, чтобы говорить о популяризации?

- Извините, у меня сейчас ничего нет. Я выпускала календарь. Я его делала на английском языке. Он у меня разошелся, последнее издание ушло в Америку. В Нью-Йорке мне сказали – сделайте еще что-то. Монографии, научно-популярные книги – все уходит. Я езжу на зарубежные конференции, конгрессы. В последний раз вообще ничего не могла представить. Потому что все разошлось. Зрелищные, хорошо изданные вещи – они запоминаются и они нам нужны.

- Зачем нужны?

- Вы понимаете, что мы в массовое сознание внедряем, внедряем и внедряем абсолютно ненужные вещи. Сегодня происходит десакрализация общества. Понимаете, нет сакрального, священного. Вот то общество, погребения которого я копаю, оно имело священное. Оно было этим священным. А у нас священного нет.

Я сейчас не беру религиозные постулаты. Сакральное и религиозное – это две разные вещи. Религия – это правила, стереотипы. а сакральное – это погружение в священное пространство. Я не за эзотерику, не за мистицизм. Нет, нам просто нужен какой-то противовес этому девятому валу примитивного и пошлого. Археология со своим грандиозным опытом может стать этим противовесом.

- Хватит ли у нас истории, чтобы стать противовесом? Есть мнение, что мы не такая уж и выдающаяся цивилизация.

- Я очень люблю бронзовый век. По мо-

быть археологом.

- Вы работаете по 12 часов?

- Уже нет. Я больше не могу жить в лагере. Мне пятьдесят лет.

- У вас молодые глаза.

- У меня очень молодые глаза. И у меня больная сестренка. Олигофрен первой степени. И я с ней хожу в экспедиции. И мы с ней вдвоем на земле. Поэтому я уже не могу жить в поле. Но поле я очень люблю. Это правда. Каждый что-то должен любить. Я люблю поле, я люблю вот это ощущение памятника, это пространство, которое в памятнике. Оно необыкновенно хорошее. И Римма, моя сестренка, это понимает. Она, когда увидела наш раскоп, сказала, что здесь очень красиво.

- А какое оно?

- А сейчас поедем на раскоп и увидите.

РАСКОП

(Мы стоим над погребением людей, которые жили здесь больше 3 тысяч лет назад).

- Я, конечно, не сумасшедшая. Но когда работаю одна здесь, я разговариваю с ними. И они действительно живут, у них свой мир. Ведь если вернуться к глобальным идеям того же Вернадского о ноосфере (вообще-то, это довольно широкое понятие, и одно из них – идеальное состояние развитой жизни на нашей планете, недостижимое в реальности. – Прим. «КН»), то эти люди живут в ноосфере. А археология – наука, которая разрушает памятник...

Мы вынимаем информацию, и он умирает. Вот что печально... Как сорванный цветок. И поэтому я хочу, чтобы эта ноосфера осталась, чтобы она была.

ведь копание не в земле, а в самом человеческом поведении, в самой психике. Поверьте, многое, что есть в нас сегодня, что-то глубоко внутреннее, глубоко неземное – оно присутствует здесь, вот в этом погребении. Почему приходят нарушения стереотипов, почему человек в конечном счете приходит к двум, трем, четырем конфессиям, величайшим религиям мира? Это все выходит отсюда.

- Знаете, вы очень настоящий человек, Эмма Радиковна, – сказал я ей на прощание.

- Все люди настоящие.

- Ну нет. Все носят маски. Вы читали «Над пропастью во ржи», ведь книга-то по большому счету о нашем мире притворщиков самых разных.

- Это моя любимая книга.

ЦИТАТА ИЗ ЛЮБИМОЙ КНИГИ ЭММЫ УСМАНОВОЙ

«Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом – ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело – ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему».

*Джером СЭЛИНДЖЕР.
«Над пропастью во ржи»*

Фарид ДАНДЫБАЕВ.

Фото Константина ВИШНИЧЕНКО.

